

ПРОТОТИПИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Мы считаем необходимым предварить наши рассуждения о механизме прототипизации и его роли в создании идеологических конструктов цитатой отечественного когнитивиста Н.Н.Болдырева: «Прототипические элементы когнитивных категорий обладают наибольшим количеством характеристик, общих с другими членами данной категории, и наименьшим количеством признаков, характерных для членов других категорий. Соответственно прототипические элементы категорий максимально отличаются от прототипических элементов других категорий. Непрототипические элементы имеют лишь некоторое число характеристик, общих с другими элементами данной категории, и обнаруживают целый ряд признаков, свойственных и другим категориям. Это также говорит о том, что категориальные границы носят неопределенный характер», и далее: «...с когнитивной точки зрения классификация объекта по степени определенности их очертаний не столь важна... Гораздо важнее то, что все типы конкретных предметов и явлений концептуализируются в нашем сознании как прототипические категории, границы которых не являются строго очерченными» [4, 79-80].

Данный пример иллюстрирует квинтэссенцию последних исследований в области когнитивной лингвистики, когнитивной семантики и психологии познания. Распространенное в этих областях знания определение прототипа как концепта распознавания категории (причем, ее содержания, а не ее границы) будет использоваться нами как рабочее определение прототипа.

Прототипическое выделение того или иного представителя группы объектов делает его значимым, ценностно-нагруженным, определяя его фон (его «родную» категорию) как благодатную почву для формирования той или иной ценности¹. Так, политика Ближнего Востока с момента выделения в ней типичного представителя (Садама Хусейна) и наделением его определенными чертами (жестокость, корыстность, тоталитарность, нетолерантность) будет обладать сущностью, которая, во-первых, воспринимается как *принципиально* отличная от политики других регионов, во-вторых, несет в себе черты «главного героя», в-третьих, возможно объясняется поведением «главного героя». Результат процесса прототипизации является формирование таких утверждений, как «Садам Хусейн – это политика Ближнего Востока» вместо исконного «Политика Ближнего Востока – это, например, Садам Хусейн».

Таким образом, один из механизмов идеологизации, создания сверхценностной сферы, т.е. механизм прототипизации предполагает следующие этапы:

1) выделение в когниции фреймов («Ближний Восток – это нефть, ислам, Садам Хусейн»); 2) наделение одного из фреймов качеством типичности («Ближний Восток – это нефть, ислам и особенно Садам Хусейн»); 3) замещение типичным фреймом всей когниции («Садам Хусейн – это Ближний Восток, нефть, ислам»).

¹ Возможным и важным представляется сравнение механизма прототипизации с основными идеями парадигмальной теории Андре Франка, демифологизирующей евроцентристский дискурс, механизм создания мифа евроцивилизационнизма, евроцентристскую социальную теорию, «модерновые» позиции глобальной экономики и т.д. См.: ReOrient: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: Univ.of Calif.Press, 2001.

Подобная подмена понятий представляет собой трансформацию знания. Обращая внимание на типичность тех или иных фреймов, идеология изменяет наше представление о всей группе объектов. Знание о вырубке берез (прототип категории «деревья») в России будет, скорее всего, *оценено* как результат катастрофического состояния дел в области охраны леса, в то время как знание о вырубке тополей может иметь различные модификации *интерпретации* («регуляция численности деревьев», «борьба с тополиным пухом», «катастрофическое состояние дел в области охраны леса» и т.д.).

Итак, в приведенном примере мы сталкиваемся с возможностью *оценивания* или *интерпретации* какого-либо объекта. Укажем на необходимость введения такой бинарной оппозиции. «Если высказывание содержит смысл, значит должен быть способ понимания его, и это самое высказывание имеет смысл, поскольку говорящий предлагает его таковым, поэтому необходимо постараться найти способ понять его» [2, 141]. Понимание может быть рассмотрено в русле герменевтики как «процесс и результат реконструирования творческого процесса создания высказывания, закрепленного в тексте» [5, 86]. Интерпретация же предполагает *относительное* понимание, зависящее от той или иной ситуации актуализации/использования объекта, что сопровождается передачей возможного способа расшифровки, декодирования текста. Угадывание смысла, интуитивный поиск способа расшифровки, реконструкция неявной когнитии говорящего указывают на то, что понимание, во-первых, характеризует коммуникативные интенции, и, во-вторых, не может быть полным, а лишь относительным. Мы можем только с известной долей уверенности предполагать, что говорящий знает о том, о чем говорит. В этой связи Растко Мочник использует термин the subject supposed to believe [3, 155-167] (субъект, который должен верить), обоснованность чего описывается следующим образом: «Интерпретатор попадает в порочный круг: ключ к значению высказывания – это определение межличностной структуры, и эта структура определяется значением высказывания. Ситуация была бы безнадежной, если бы и интерпретатор, и говорящий не были пойманы в одну ловушку, и если бы они не *знали* об этом: они вовлечены в коммуникативную солидарность, и эта солидарность представляет собой *солидарность верований* (...) Минимальные верования и говорящего, и интерпретатора могут быть рассмотрены как те, что поддерживаются общими отношениями, – *отношениями идентификации с субъектом, который должен верить*» [2, 141].

Особенностью же идеологического высказывания является то, что содержится в следующей части нашей первой цитаты Растко Мочника: «говорящий предлагает его (высказывание) таковым». Речь идет об акцентировании внимания на некоторые свойства объекта, артикуляции некоторых его признаков. Причем подобное название, артикуляция фреймов предполагает «вызывание их к жизни», указание на то, во что именно должен верить субъект, что именно будет являться исходным допущением взаимопонимания и согласованности действий. Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма делает его типичным, а, следовательно, релевантным по отношению к остальным фреймам, определяющим отношения внутри категории и отношение к категории вообще.

Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма как метод прототипизации вовлекает интерпретатора в некоторое поле с уже заданными предписаниями к тому, какую «интерпретаторскую» позицию необходимо занять, как именно нужно интерпретировать, «в каком направлении» необходимо понимать те или иные культурные объекты.

Именно постоянное выделение/артикуляция фрейма трансформирует безграничное поле *интерпретаций* в ограниченное поле *оценок*, задает определенный *смысл* не только всему объекту, но и всем когнитиям, посредством которых он представлен.

Если идеологический дискурс аппелирует к культурным ценностям, то он неизбежно сталкивается с необходимостью воссоздания некоторых категориальных границ. Это могут быть границы действия культурных ценностей, границы рационального, границы полезного, границы естественного и само собой разумеющегося – одним словом, границы культуры. Обращение к границам культуры предполагает включение еще одного механизма идеологизации общественного сознания – механизм *категоризации*. Помимо того, что идеология «способна» нейтральную категорию сделать оцениваемой путем «отипичивания» ряда представителей этой категории, она может также создавать такие категории из априорно разнородных объектов¹. Наиболее эффективным способом такой категоризации, предполагающей также и последующее формирование определенной оценки к той или иной группе объектов, является организация *идеологического дискурса*. Рассмотрим действие механизма категоризации на примере дискурсивных операций с ценностно-нейтральным высказыванием «Бахтин – ученый, изучавший работы Достоевского и Рабле».

Во-первых, подобное высказывание определяется как *условно* ценностно-нейтральное, поскольку каждое из составляющих его слов может иметь определенную конотативную окраску, что будет указывать на обозначение высказывания как нейтрального только в условиях определенного контекста – в первую очередь культуры. Конотация подразумевает знание индивида о Бахтине как об ученом *определенного рода*, которого можно *характеризовать* тем или иным образом, и, соответственно, нейтральное описание функций которого покажется очевидно недостаточным в силу отсутствия репрезентированных эпистем². Так, в среде «бахтиологов», это высказывание никоим образом не приобретет нейтральную, а-конотативную окраску и будет требовать дополнительных операций по детальной характеристике Бахтина, т.е. по дополнительной эмоционально-оценочной детализации фрейма.

Во-вторых, *условность* безоценочного отношения к этой фразе подчеркивается тем, что каждый из названных в высказывании объектов занимает или может занять определенное «место» в системе наших когниций. Актуализированные при восприятии высказывания когниции могут «задеть» тот или иной *topos*: мы не знакомы с работами Рабле, но хорошо знакомы с творчеством Достоевского и воспринимаем его как трагическое, следовательно, творчество Рабле будет категоризировано нами как скорее всего тоже трагическое (поскольку есть связующее звено между знакомым нам Достоевским и незнакомым Рабле – Бахтин).

Таким образом, неустойчивая нейтральность в ценностном отношении высказывания стремится к большей неустойчивости и может привести к формированию определенной оценки относительно всего высказывания в целом и отдельных его элементов в частности. Но даже если энтропия ценностной нейтральности не увеличивается, если не разрушается относительная безоценочность высказывания, то с помощью уже упомянутого нами механизма категоризации можно стимулировать эти процессы.

Так, трансформация высказывания «Бахтин – ученый, изучавший работы Достоевского и Рабле» в «Бахтин – великий учёный, изучавший работы Достоевского и Рабле» даст эффект категоризации изначально условно нейтрального объекта: мы знаем о кате-

¹ И вновь нам представляется необходимым указать на работу А. Франка, посвященную анализу оппозиции «Запад – Восток».

² Под эпистемой контекстуально следует понимать совокупность заведомо ценностных суждений на определенные исследовательски важные темы.

гории «ученые», но понимаем, что они могут быть «хорошими» и «плохими», и мы знаем о категории «великие ученые» и понимаем, что они могут быть только «хорошими».

Такой же эффект могут дать и все иные трансформации высказывания при использовании эпитетов: «Бахтин – ученый, *плодотворно* изучавший работы всем Достоевского и Рабле»; «Бахтин – ученый, изучавший *гениальные* работы Достоевского и Рабле»; и т.д.

Процесс подобных трансформаций и, как его *результат*, совокупность возможных вариантов при условии *категоризации* артикулируемого объекта, формирования у адресата определенной *оценки* объекта, *мнения* об объекте, *интерпретации* объекта или *действий*, релевантных объекту, может быть определен как *дискурс*. Апелляция дискурса к *прогнозируемой оценке, мнению, смысловым трансформациям, действиям* указывает на диалогичность дискурса и предполагает его ориентированность на адресата. Постоянно расширяющаяся совокупность текстов на определенную тему («Бахтин») – генеративность дискурса – предполагает, что каждый из текстов не является самодостаточным, законченным или конечным. Текст в дискурсе должен порождать другой текст («Бахтин – ученый, изучавший...») - «Наиболее важной работой Бахтина можно считать...» - «Точка зрения Бахтина на проблему диалогичности дискурса не совпадает с точкой зрения Бубера» - «Точка зрения Бахтина совпадает с точкой зрения Бубера» - и т.д.).

Таким образом, конфликтная природа идеологического дискурса заключается, с одной стороны, в его «недосказанности», провокативном характере, генеративных функциях (*культурно-обусловленный аспект*) и, с другой стороны, в требовании однозначной оценки (*собственно-идеологический аспект*).

Литература:

1. Andre Frank. ReOrient: Global Economy in the Asian Age. – Berkeley: Univ.of Calif. Press, 2001.
2. Mocnik R. Ideology and fantasy // The Althusserian legacy. – Ljubljana, 1997.
3. Mocnik R. Subject supposed to believe and nation as a zero-institution // Along the margins of humanities. – Ljubljana: ISH, 1996.
4. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2001.
5. Кашин В.В. Онтологические и гносеологические проблемы генезиса понимания. – Уфа, 2000.
6. Мочник Р. Субъект, который должен верить, или Нация как нулевой институт // Критика и семиотика. – 2001. – № 4-5.

Ірина МУРАДХАНЯН (Чернівці, Україна)

МАКАБРИСТИЧНІ МОТИВИ В РОМАНІ С.КІНГА “ТЕМНА ПОЛОВИНА”

Творчість С.Кінга – цікаве і суперечливе явище в сучасній американській літературі. Усі його твори знаходяться в центрі уваги читачів і критиків, які висловлюють досить протилежні думки про творчість письменника. Американські літературознавці широко досліджують романи і повісті С.Кінга. М.Коллінз, Т.Хоппенштенд розглядають жанрові